ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Анастасии Станиславовны Аристовой
«КНИГА М.А. ВОЛОШИНА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Творчество Максимилиана Волошина стало объектом изучения в российской науке сравнительно недавно, в начале 90-х гг., и, хотя существует уже немало работ, описывающих различные особенности его поэзии, остается множество белых пятен, среди которых и описание специфики его художественного мира как системы элементов. На наш взгляд, диссертанту удалось найти такой подход и угол зрения, который позволяет многое прояснить в феномене «книга стихов Волошина», что доказывает актуальность работы.

Автор четко обозначил основу, на которой строит свое исследование: «Создание книг стихов с продуманной композицией играло важную роль в творчестве Волошина, судя по тому насколько тщательно он продумывал структуру книг, а в поздние годы жизни в «Автобиографии» указывал, в каком порядке и составе должны быть опубликованы его произведения, распределив их по четырем книгам. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда «"поэт-автор" уступает место вдумчивому "поэту-составителю"...» (с.7); речь идет о попытке описания структуры книги как целостности, ансамбле. Скажем сразу, этот начальный тезис о «монтажной полициклической форме», или «поэмообразной структуре», затем блестяще доказывается всей диссертацией.

А.С. Аристова поднимает важную текстологическую проблему: канонического текста "Неопалимой купины" не существует, т.к. книга не была опубликована при жизни Волошина, имела несколько рукописных вариантов. Тот вариант, который представлен в собрании сочинений, является результатом исследовательской реконструкции и не соотносится напрямую с авторской волей или прижизненной рукописью. Поэтому в диссертации этот вариант корректируется: как составляющие книги рассматривается стихотворение "Хвала Богоматери" и поэма "Святой Серафим", включавшиеся автором в текст книги. Стихотворение «Хвалы Богоматери» сначала существовало как отдельный текст и входило в книгу, затем оно вошло в состав поэмы о

св. Серафиме, но в рукописных вариантах книги автор включал его в последний раздел "Возношения". Составители собрания сочинений решили не повторять один и тот же текст, однако с точки зрения текстологии это не вполне корректно. Так, подобные автоповторы есть у А.Ахматовой и О.Мандельштама. В этом случае, как нам кажется, автор совершенно прав, и речь может идти об автоцитации и симфоническом единстве поэмы, отдельные части которой могут выступать и как самостоятельные произведения (параллельный пример - "Песнь Фаины" Блока, и являющаяся стихотворением в цикле "Фаина", и входящая в состав поэмы "Песня судьбы"). В любом случае исследовать специфику строения книги возможно только учитывая авторскую волю.

Методология исследования определяется самим материалом, циклическая структра книги требует адекватного описания, поэтому основой исследования стали работы Дарвина, Ляпиной, Фоменко, Вроуна и др. Интересно, что автор корректирует методику исследования книги стихов, обращая внимание на своеобразие строения книги Волошина, непохожего на другие книги. Об этом же писал И.В. Фоменко, замечая, что в каждом конкретном случае исследователь сталкивается со спецификой авторской целостности. Так, существенно уточняя общее представление о книге стихов, автор диссертации акцентирует внимание на сюжетных связях, мотивах и образах, которые являются скрепами именно «Неопалимой купины».

Отдельно следует обсудить положения, выносимые на защиту. Это тезисы, которые никем ранее не были выдвинуты. Уже первое из них: «Книга «Неопалимая Купина» является целым, слагающимся из отдельных автономных произведений, микросюжеты которых встраиваются в ведущие макросюжеты книги» (п.1) — достойно отдельного научного исследования, и автор, безусловно, «защищает» это положение всей предоставленной научной работой.

Тезис о том, что «связующую роль в книге выполняют повторы, сквозные образы и сюжеты, группировка стихотворений по тематическим группам», кажущийся поначалу банальным, на самом деле очень точно отражает структуру книги Волошина, в которой мотивы бесовства, разгула стихий, я-поэта и мы-поколения составляют неделимое единство.

Описывается в диссертации и сквозной лирический сюжет книги стихов: «Ведущим сквозным сюжетом, лежащим в основе всей книги, является гностический сюжет о Софии и пленной Душе Мира...» (п.3), параллельно с этим «ведущая сюжетообразующая роль принадлежит мифу о бесовстве, находящему воплощение в образах разыгравшейся

природной стихии, мотивах дробления и множественности, одержимости, а также в усмирении и заклятии стихии» (п.4).

Но самое интересное — положение о кольцевой композиции книги стихов Волошина. «Книга имеет кольцевую композицию, что отражается в заглавиях произведений, стоящих в начале и в конце: стихотворении «Россия» и поэме «Россия». Одноименные произведения тесно связаны друг с другом: в первом стихотворении задается основная цель книги – понять бытие России. Для осуществления этой цели лирический субъект обращается к историческому прошлому и настоящему России, проводит параллели между русской и французской революциями, героями Смуты и революционными типами. Поэма «Россия» представляет собой некий итог...» (п.5). Дело не только в метком замечании о перекличке заглавий первого и последнего текстов книги. Дело в том, что книга выстроена как путь, движение поэта от одной лирической задачи (стихотворение с «программным» заглавием) к другой (лиро-эпическая поэма как еще одна возможность циклизации, монтажности наряду с собственно циклом и книгой).

Структура диссертации представляется оптимальной: в первой главе речь идет об общих композиционных закономерностях книги (заглавии, лирических субъектах, их взаимосвязи) , во второй – о мотивно-образных скрепах. Правда, осталось не до конца понятным, как автор выделяет «магистральные тексты» книги (п.1.3.3, с.93), достаточно ли для этого заглавия? Или нужны уточняющие мотивы? Блоковская метафора «слова-острия» хороша в параллели с Волошиним как яркий образ, но темна как способ описания структуры.

Кстати заметим, что неясной для оппонента осталась и категория «дальних» источников (п.1.1.1, с. 31): почему книга Ветхого Завета — это дальний источник, а тексты Блока — ближний? Что является точкой отсчета, помимо предположений автора диссертации?

Один из самых удачных разделов посвящен анализу цикла «Война». Здесь и сопоставление стихотворения «Россия» с текстами Лермонтова, Тютчева, Блока и даже Хомякова (почему-то в этом перечне не было Н.А. Некрасова), и уточнение мотива *все* из стихотворения Волошина «В эти дни» на фоне тютчевского «всё во мне и я во всём» (с. 59-61), и глубокий анализ стихотворения «Посев» на литературном фоне от Евангелия до Некрасова (кстати, в этой интертекстуальной ткани пропущено звено - стихотворение Ходасевича «Путем зерна»). Безусловно, все источники упомянуть невозможно, да и задача у диссертанта была иная — не выявить подтексты, а описать структуру целого, выстраиваемую с помощью подтекстов.

Интересно и описание типов лирического субъекта в книге стихов Волошина (п.1.3). Выстроенная классификация (автор-голос, автор-повествователь, лирическое «мы» как отдельная разновидность и ролевая лирика) тем не менее нуждается в комментарии. На каком типологическом основании она создается? Кормановская триада (собственно автор, автор-повествователь, роль) дополняется анализом грамматической категории *мы*, в результате иерархия рассыпается. Да и насколько смыкаются (а может быть, наоборот, разделяются) ролевая и автопсихологическая лирика в книге Волошина? Так, в стихотворении «Ангел мщенья» кроме начальной полустроки «Народу русскому:...» ничто не указывает на ролевой (или диалоговый?) характер. Может быть, продуктивнее тогда было бы говорить о слитности этих вариантов лирического субъекта в поэзии Волошина?

Наверное, самая безукоризненно выполненная и удачная глава посвящена мотивно-образному анализу книги. В этой главе дан один из самых точных на сегодняшний день комментариев к образу иконы «Неопалимая купина» в русской литературе. Мы бы рискнули добавить в этот внушительный перечень текстов лишь стихотворение А.Тарковского «До стихов», где также возникает образ купины:

Когда, еще спросонок, тело

Мне душу жгло и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной...

Профессионально выполнен и отточен и комментарий к стихотворениям «Петроград» (только почему-то не комментируется перекличка с «Петроградом» З.Гиппиус), «Русь глухонемая», «Северовосток» (интересно размышление о символике звезды и связи с розой ветров) и «Пролог» в сопоставлении с пушкинским пратекстом («Пророк»). Прекрасно разобрана и роль мотива природной стихии. Взаимосвязь бесовства и дионисийста, заложенная еще в русской культуре «золотого века», объясняет многие подтексты стихов М.Волошина. Кстати, И.Л. Альми (не единожды процитированная автором работы) указывала еще на один источник такой взаимосвязи — пушкинское стихотворение «Зимний вечер».

Наконец, отдельной похвалы заслуживает раздел 2.4, посвященный пространственной триаде «Китеж — Петербург — Петроград». С одной стороны, как отмечает автор, «Волошин обращается к устойчивым в русской литературе темам, характерным для *петербургского текста*» (с.220), с другой стороны, он продолжает и развивает традицию. Параллели с текстами Бальмонта (пусть текст и не

сохранился, но он является, судя по заглавиям других авторов, пратекстом), Вяч.Иванова, Брюсова показывают, насколько Волошин переработал традицию, «переделал» ее под себя и свое в*и*дение. Кстати, у В.Брюсова есть еще одно стихотворение о городе, написанное в 1912 году — «Петербург», где речь также идет об изменении имени города и где фигурируют оба имени — и «Петербург», и «Петроград».

Разумеется, все вопросы и замечания являются дискуссионными. В целом диссертация, безусловно, актуальна. Ее новизна не вызывает сомнений. Уровень научного исследования позволяет говорить не только о блестяще сделанном анализе контекстов книги Волошина, но и о дальнейших перспективах изучения проблемы, о возможностях автора диссертационного труда внести свой вклад как в теорию изучения циклических структур вообще, так и в историко-литературную практику анализа поэзии Максимилиана Волошина.

Автореферат и 5 публикаций (из них 3 в журналах, рекомендуемых ВАК) в полной мере отражают содержание диссертации и основные положения, выносимые на защиту. Диссертационное исследование Анастасии Станиславовны Аристовой полностью соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842), а его автор, несомненно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

9.01.2019

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории
и теории литературы
Тверского государственного
университета Светлана Юрьевна Артёмова

Электронный адрес: svart1@yandex.ru Телефон: 89206801675

Подпись
УДОСТОВЕРЯЮ Проректор по НИД
И.А. Каплунов